

Главная героиня Сюй Таояо с самого начала своей карьеры снималась в основном в артхаусных фильмах. Она привыкла к медленному, кропотливому процессу, поэтому высокий темп и интенсивность съемок давались ей с трудом. В начале съемок она буквально страдала. То, что она смогла так быстро адаптироваться, во многом стало возможным благодаря помощи Жун И, с которым она чаще всего снималась в сценах.

Если режиссер Вэнь Цзисюнь был центром всей съемочной группы, то Жун И был центром каждого кадра. Цюй Хайяо, увидев, как он снимается, наконец понял, почему большинство преподавателей в университете не рекомендовали студентам слишком много учиться у Жун И. Как сказал один из преподавателей:

— Обычный человек не способен понять мозг Эйнштейна.

Жун И был настоящим гением в актерском мастерстве. Ему не нужно было время, чтобы вжиться в роль или выйти из нее. Как только звучала команда «action», он мгновенно переходил от нуля к ста процентам, без какой-либо подготовки.

Цюй Хайяо смотрел на человека с небрежно собранным пучком волос, который, несмотря на внешний вид, казавшийся почти нищенским, не выглядел подавленным, и внутренне соглашался с мнением преподавателя, который восхищался актерской игрой Жун И. Его лицо, глаза, тело, руки, ноги, сердце и мозг — все принадлежало персонажу, а не самому Жун И. Казалось, что все тело Жун И стало оболочкой для Вэй Ли, который просто использовал его тело для жизни в этом мире.

Цюй Хайяо совершенно не мог понять, как можно достичь такого уровня. Это выходило за рамки актерской игры, это было существование в качестве другого человека. Даже камеры на съемочной площадке, казалось, находились под его контролем. Цюй Хайяо думал, что Жун И просто двигался как попало, не обращая внимания на камеру, но на самом деле он всегда оказывался в нужном месте. Даже в длинных сценах он мог пройти от начала до конца гладко и естественно, без необходимости монтажа, как будто с самого первого шага Жун И уже продумал каждый свой шаг.

Цюй Хайяо, кусая палец, стоял в стороне и размышлял. Если бы он был режиссером, он бы снимал каждый кадр с Жун И длинным планом. Не снимать их было бы просто расточительством.

— Как он это делает?

Цюй Хайяо не смог сдержаться и произнес вслух то, о чем думал. Помощник режиссера Ху Юнпэн, стоявший рядом, услышал это и фыркнул.

Цюй Хайяо вздрогнул, осознав, что сказал. Его лицо побледнело, и он начал извиняться перед помощником режиссера:

— Простите, простите, я не хотел ничего плохого...

Но помощник режиссера, казалось, совершенно не обратил на это внимания, лишь махнул рукой и с улыбкой тихо сказал:

— Ничего не поделаешь, наш главный герой действительно силен. В первый день, когда я увидел его игру, я тоже был поражен. Но тебе не стоит пытаться учиться у него. Попытки украсть его мастерство ни к чему не приведут, ха-ха-ха.

Цюй Хайяо смущенно почесал голову:

— Наши преподаватели тоже так говорили.

После обеда начались съемки сцен в подземелье. Все сцены были с участием Хуанфу Дуаня и Вэй Ли. В этих сценах Хуанфу Дуань снова был одет в роскошные одежды лидера боевых искусств и главы Школы Небесного Свода, а Вэй Ли был полуголым, покрытым ранами, с железными цепями, пронзающими его плечи, и подвешенным в подземелье.

Эти сцены требовали сложного грима. Верхняя часть тела Жун И должна была выглядеть израненной. После обеда гримеры начали работать над его внешностью. Самым сложным было создать эффект железных цепей, пронзающих плечи. Используемый протез плохо прилегал, и гримерам пришлось несколько раз корректировать материалы, чтобы «раны» и «цепи» плотно прилегли к телу Жун И, прежде чем его подвесили. Только на грим ушло два часа, это была настоящая работа.

Когда съемки начались, Цюй Хайяо, лишь взглянув на декорации и освещение, понял замысел Вэнь Цзисюня. В подземелье были два человека: один — лидер боевых искусств, глава Школы Небесного Свода, символ справедливости, а другой — последний представитель демонического культа, находящийся в крайне плачевном состоянии.

И даже в таком состоянии Хуанфу Дуань, за своей благородной и праведной внешностью, скрывал жестокие методы обращения с пленником, а Вэй Ли, даже с пронзенными плечами, в глазах сохранял почти упрямую искренность.

Жизнь Вэй Ли была крайне простой. Родители, которые его родили, почти не заботились о нем, оставив его на заднем дворе с одним старым слугой, чтобы он выживал сам. Он уже забыл, как выглядели его родители, и даже когда он вышел из заднего двора и обнаружил, что Долина Мрака была уничтожена, он не смог сразу узнать, какие из тел принадлежали его родителям — они не виделись много лет, и все погибшие были для него незнакомцами. Вэй Ли с детства не получил никакого достойного образования, он даже не знал, что должен скорбеть по этим людям.

Но смерть старого слуги, который заботился о нем многие годы, не оставила его равнодушным. Когда он спас немую девушку и услышал, как она с бесконечной печалью и ненавистью сказала, что собирается отомстить Школе Небесного Свода, сердце Вэй Ли, которое всегда плыло по течению и было равнодушным ко всему, впервые наполнилось четкой целью.

Даже узнав, что немая девушка была одной из виновниц уничтожения Долины Мрака, даже узнав, что она обманула его, Вэй Ли не хотел и не мог принять эти факты. По-детски он выбрал не признавать их и упрямо решил выполнить свою цель, даже оказавшись в заточении, он не колебался ни на мгновение.

Простота и искренность Вэй Ли резко контрастировали с двуличием Хуанфу Дуаня, и в этой сцене это было показано в полной мере. Сцена снималась много раз, и Цянь Гоцзюнь, исполняющий роль Хуанфу Дуаня, должен был постоянно ходить по ограниченному пространству подземелья, время от времени мучая Вэй Ли.

— Все твои движения в кадре должны образовывать круг, ты как бы рисуешь круг вокруг себя, — терпеливо объяснял Вэнь Цзисюнь Цянь Гоцзюню. — Хотя в этой сцене ты — свободный человек, в душе ты уже давно запер себя в клетке. Все методы, которые ты используешь против Вэй Ли, на самом деле являются проявлением твоих садомазохистских наклонностей, все эти усилия ты направляешь на самого себя, понимаешь?

Цянь Гоцзюнь, попивая воду, кивнул, но по его взгляду было видно, что он все еще обдумывал это. Вэнь Цзисюнь повернулся к Жун И:

— Ты висишь там и не можешь двигаться, но твоя энергия должна быть напряженной. В прошлый раз ты был слишком ясным, но недостаточно сильным. Помни, что самое ясное состояние ты должен оставить для немой девушки.

После того как съемки возобновились, оба актера изменили свое состояние. Хуанфу Дуань почти исчерпал все свои методы, но так и не смог вынудить Вэй Ли раскрыть местонахождение Меча Небесного Свода, что превратилось в борьбу загнанного в угол хищника. А Вэй Ли был холоден и тверд, как черный металл. Когда на его тело надевали орудия пыток, кровь и пот смешивались на его коже, а специальное освещение придавало его израненному телу странную притягательность. Цюй Хайяо, стоявший в стороне, смотрел с замиранием сердца, даже на расстоянии он чувствовал, как сталкиваются их ауры.

Этот дубль наконец завершился, и Вэнь Цзисюнь выглядел довольным. Теперь нужно было снять другой ракурс. Примеры подошли, чтобы подправить макияж актеров, и в этот момент режиссер неожиданно повернулся к Цюй Хайяо:

— Как ощущения?

Цюй Хайяо:

— ???

К счастью, он лишь на мгновение растерялся, но быстро пришел в себя. Он почесал голову и с нервным смешком сказал:

— Ощущения... ощущение давления.

Вэнь Цзисюнь засмеялся:

— Ты впервые на съемочной площадке, это нормально. Ладно, иди готовься, как только они закончат, ты снимаешь один дубль.

Цюй Хайяо подумал, что ослышался. Он растерянно спросил:

— Сей... сейчас?

— А когда еще?

Вэнь Цзисюнь не стал ничего объяснять, просто отправил его готовиться, а сам вернулся к съемкам.

Трудно описать, что чувствовал в этот момент Цюй Хайяо. Это было как будто восьмидесятиметровый меч внезапно обрушился ему на голову. Цюй Хайяо был готов заплакать, но отказаться он не мог, поэтому с тяжелым сердцем отправился в гримерку.

Пока он готовился, в его голове царил хаос. Он примерно понимал, почему режиссер решил дать ему попробовать сейчас. Грим для сцены пыток Вэй Ли занял больше времени, чем ожидалось, и если съемки будут идти медленно, сцены в подземелье могут затянуться на три дня, а значит, этот грим придется делать трижды, что было бы пустой тратой времени.

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16304/1470750>